

Даниил Мордовцев

Ирод

I

Накануне праздника великого бога Аписа-Озириса по Александрии разнеслась весть, что на следующий день юная дочь последнего фараона, Птолемея Авлета, прекрасная Клеопатра, в присутствии самого бога Аписа-Озириса получит венец Верхнего и Нижнего Египта из рук «завоевателя Вселенной», непобедимого римлянина Юлия Цезаря.

Весть эту разносили царские глашатаи, которые, разъезжая по городу на прекрасных лошадях из конюшен фараона, трубили в медные трубы по направлению четырех стран света — на восток, на запад, на юг и на север.

— Но наши боги не потерпят этого, — говорил один молодой жрец собравшейся около него группе египтян, — римлянин перед лицом великого Озириса возлагает венец фараонов на священную голову Клеопатры! Этого быть не может! Давно ли египетские собаки пожирали на берегу нашего моря тело другого такого же «завоевателя Вселенной»!

— Это ты говоришь о Помпее? — спросил

один из слушателей с медными кольцами на руке, знаками отличия храброго воина.

— О нем, о его нечистой падали. Я сам видел, как его отрубленную голову подносили на золотом блюде вот этому самому Цезарю и как он плакал над ней.

— Да чуть и с его собственной головой не случилось того же, если бы не подоспел к нему на выручку этот идумей Антипатр со своим сынком, головорезом Иродом, да пергамский царь Митридат, — говорил воин, сильно жестикулируя. — Что же наша божественная царевна Клеопатра?

— Да что! Она еще почти ребенок, да хранят её боги!

— А что же вы, почтенные жрецы, смотрите?

— Я не у власти, есть постарше меня, — с неудовольствием отвечал жрец. — Да вот посмотрим, как завтра великий Апис-Озирис позволит им топтать священные обычаи страны фараонов. Камни закричат, могучие крокодилы выйдут из хлябей Нила, чтобы пожрать нечестивцев, допустивших такое унижение последнему отпрыску наших фараонов, светлейшей Клеопатре.

— А который год будет ей? — спросила одна молодая египтянка с голеньким ребенком на плече.

— Да вот который: она родилась в тот год,

когда последний великий бог Апис отошел на покой в прекрасную страну запада и погребен был в гробничном месте, в вечном доме своем. Я помню, что тогда долго искали нового бога, разыскивали его великолепие во всех местностях Питоми, и по островам, и около озера Нат, пока не нашли на лугу по ту сторону Нила и торжественно ввели в храм бога Пта — отца богов. Ну, этому будет уже семнадцать лет. В тот год еще филин каждую ночь кричал на вершине пирамиды Хуфу (Хеопса).

— Чего же он кричал, святой отец? — спросила египтянка.

— Худо предвещал стране фараонов, — был ответ.

— Филин, говорят, кричал и в Иерусалиме, на Сионе, перед тем, как были разрушены стены нашего святого города вот этим нечестивым римлянином, голову которого поднесли на блюде римскому Цезарю, — вмешалась в разговор старая еврейка из толпы. — Это Иегова ¹ покарал нечестивца.

— Ну, бабуся, наш бог, великий Апис,

¹ Иегова (Сущий) — одно из имен Божиих, великое и святое, означающее самобытность, вечность и неизменяемость Его существа. (Здесь и далее примечания редактора).

посильнее будет вашего Иеговы, — презрительно заметил воин.

— Это бык-то сильнее Иеговы? — вспыхнула было еврейка.

Возражение это, по всей вероятности, дорого бы стоило старой еврейке, если бы в эту минуту на площади не показалась группа всадников. Под ними были прекрасные лошади, а богатое одеяние и вооружение всадников показывали, что это были не египтяне и не римляне. Всадники направлялись к той половине дворца фараона, в которой находился Цезарь со свитой, с телохранителями и ликторами.

— Это властители Иудеи, — сказал жрец.

— Вон рядом с отцом едет Ирод на белом коне, — заметил воин. — Я тотчас узнал его.

— Какой он еще молоденький! — удивилась старая еврейка.

— И какой красавец! — решила египтянка.

— Ох, быть худу, быть худу, — укоризненно качал головой молодой жрец, провожая глазами группу иудейских всадников. — Никогда еще Египет не видел, чтобы чужеземец осмелился приблизиться к великому богу Апису. А теперь, видите ли, римлянин не только предстанет пред лицом сына Пта, но и будет венчать на царство любимую дочь божества. Бедная сиротка Клеопатра! Уж лучше бы не настаивал этот роковой для Египта день.

Но день этот настал.

От дворца фараонов как бы между живою и волнующеюся изгородью из множества тысяч народа, едва сдерживаемого воинами и мацаями, медленно двигалась торжественная, поразительная своим великолепием процессия. Народные толпы покрывали не только дворцовую площадь и соседние улицы, но и крыши домов, купола храмов, спины гигантских сфинксов, бесконечные аллеи которых тянулись до самого храма бога Аписа на западной стороне города в соседстве с песчаной пустыней.

Процессию открывают два римских знаменосца. На высоких тонких древках ярко блестят две золотые птицы с распростертыми как бы для боя крыльями — это римские легионные орлы, которые своими металлическими крыльями облетели всю тогдашнюю Вселенную. Несут их, как святыню, два рыжих великана, которые еще маленькими были вывезены из глубины Скифии, выросли и воспитались в Риме при доме Цезаря и потом не покидали: своего повелителя во всех его бесчисленных походах.

— Точно живые сфинксы! — слышится в толпе одобрительный шепот.

За живыми сфинксами следуют два оркестра музыки, египетский и римский, которые поочередно оглашают воздух то дикой мелодией

боевого египетского клича, то победными маршами воинственного Рима, эху которых вторили когда-то роскошные долины Галлии, и мрачные горы Иберии, и непроходимые леса Германии.

Вслед за музыкой медленно выступают высшие сановники и жрецы Египта в белых мантиях, а рядом с ними — римские военачальники в блестящих шлемах и латах, из которых на некоторых виднелись рубцы от ударов парфянских мечей и галльских копий.

Вслед за ними — плавно, ритмически колышутся в воздухе, над головами всей многотысячной толпы, два трона на богато убранных носилках, несомых — один — двенадцатью эрисами — египетскими военачальниками от двенадцати номов страны фараонов, другой — римскими и галльскими воинами в полном вооружении. Оба трона из слоновой кости с золотом и драгоценными камнями. С высоты одного трона как бы испуганно глядит куда-то вдаль прелестное юное личико с легкой диадемой над низким лбом, оттененным густыми прядями шелковистых волос. Это Клеопатра. Эту изящную головку осеняют своими крыльями золотые изваяния правосудия и истины. А по сторонам трона — сфинкс — эмблема мудрости и лев — эмблема мужества, которыми охраняется престол фараонов. Высшие сановники

Египта окружают носилки своей юной повелительницы и богатыми опахалами из страусовых перьев навевают на прелестную её головку в знойном, неподвижном воздухе, чуть-чуть колеблемом лишь дыханием взволнованной многотысячной толпы ее подданных. Тут же, рядом с сановниками, виднеются юные смуглые личики детей из жреческой касты — они держат в руках царский скипетр, колчан со стрелами, копье и другие регалии фараонов. Непосредственно же перед самыми носилками Клеопатры идет один из верховных жрецов и сжигает благоухания пред лицом юной повелительницы Египта и последней отрасли фараонов.

С высоты другого трона смотрит вдаль лицо Цезаря. Лицо это, еще не старое, но испытавшее и африканский зной, и палящие лучи сирийского солнца, и зной родной Италии, непогоды Галлии, и туманы далекой Британии, лицо, изрезанное глубокими морщинами дум и страстей, — представляло подобие мраморного бюста, потемневшего от времени. Тонкие, плотно сжатые губы, с низко опущенными углами их; бритый, какой-то жесткий подбородок, словно он вот-вот задрожит от негодования или от сдерживаемого плача; впалые, худые щеки с глубокими линиями морщин, сбегаящими к опущенным углам плотно

сжатых губ; лоб, прорезанный полосами морщин от одного виска до другого; брови, как бы упавшие на углубления бесстрастных, словно остекленелых глаз; голый, точно выточенный из слоновой кости, череп, — это было живое изображение железного Рима², смотревшее в пространство с высоты другого трона, плавно колебавшегося на носилках, покоившихся на могучих плечах римских и галльских воинов.

Голый череп Цезаря защищала от египетского солнца тень зонтика, который держал над ним один из рабов-нумидийцев.

Вслед за теми и другими носилками шли высшие сановники жреческого сословия и египетские военачальники, а за носилками Цезаря — Митридат, царь Пергама, Антигон, царевич Иудейский, идумей³ Антипатр с сыном Иродом и римские центурионы. За всей этой процессией двигались египетские и римские войска — конница и пехота.

² Бюст Цезаря в старости — находится в музее Ватикана.

³ Идумея, страна Эдомская, идумяне (красный) — страна, народ, получившие свое название от Исава или Эдома по цвету кушанья (красной чечевичной похлебки), за которое они продали свое право первонародства Иакову.

Вправо от процессии из-за голов бесчисленной толпы и из-за стволов гигантских пальм виднелась спокойная поверхность моря, ушедшего в бесконечную даль, а впереди гордо высился стройный купол величественного здания — храма Озириса и жилища бога Аписа.

Высоко в небе с жалостным клёкотом кружились орлы пустыни, привлеченные необыкновенным зрелищем.

Цезарь от времени до времени бросал взгляд из-под нависших бровей на Клеопатру, и, казалось, жалостливая, скорбная улыбка змеилась по его плотно сжатым губам и словно испуганная пряталась в низко опущенных углах их. Таким жалким, беззащитным ребенком казалась ему эта прелестная куколка, повелительница страны фараонов, наследница легендарных Рамзесов, Тутмесов, Аменхотепов!

Как бы угадав мысли своего могущественного покровителя, Клеопатра с глубокой, детской нежностью взглянула на него, и ей невыразимо стало жаль этого скорбного старческого лица, перед взором которого трепетала Вселенная. Чутким сердцем она угадала, что не знают радости в жизни избранники судьбы, которым завидует весь мир. Разве она сама, еще такая юная, знала эти радости? Её именем лилась кровь её подданных. Её будущая корона уже успела выкупаться в потоках крови. А

что ждет её впереди? — Её брат...

Она снова взглянула на Цезаря. Он продолжал сидеть, подобно мраморному изваянию. Несколько сгорбившийся стан его и осунувшиеся плечи, поверх лат, облегали широкие складки белой тоги с широкими пурпурными каймами по всему подолу и по краю разреза на груди. Этот пурпур на белом фоне был такого яркого кричащего цвета, что, казалось, вся фигура всемогущего Цезаря была облита кровью...

— В крови народов купалась эта тога, — невольно думалось Клеопатре, — она обогрена и галльской, и парфянской, и римской кровью... А египетской?..

Ирод, следуя на своём белом идумейском коне за носилками Цезаря, не спускал с него восторженных, жадных глаз. Даровитый, честолюбивый юноша, он страстно завидовал всесветной славе римского триумвира и мечтал подражать ему в жизни; он уже видел, в разгоряченном воображении, у ног своих всю Иудею, Самарию, Галилею, мало того — всю Сирию, Финикию, Вавилон, всю Азию, весь мир до крайних его пределов... Иерусалим — новый Рим, но еще более могущественный...

А дикая музыка все неистовее и неистовее оглашала знойный воздух.

— Бог идет! Бог идет! Великий Апис! —

дрогнул воздух от криков толпы, заглушивших музыку.

II

От храма Озириса надвигалась встречная процессия вместе с Аписом.

Шествие открывал верховный жрец, который сжигал благоухание на богатом золотом треножнике, несомом служителями Аписа.

За ним двадцать других жрецов несли священные предметы богослужения — снопы пшеницы, золотой серп, сестры, сосуды с елеем, благовонными маслами, золотую клетку с четырьмя священными птицами, изображения священных жуков, пчёл, кошек, змей, ибиса.

Следующие за ними жрецы, числом более тридцати, несли на руках изображения фараонов, предков Клеопатры, которые должны были принимать участие в своем семейном и всенародном торжестве.

Клеопатра с умилением и грустью смотрела с высоты своего трона на этот сонм приближавшихся к ней предков.

Впереди всех — изображение первого фараона имени Птолемея — Птолемея I Сотера Лага, полководца и сподвижника Александра Македонского.

Как часто, еще маленькой девочкой, в сопровождении своего учителя, верховного жреца Озириса, и братьев, Клеопатра посещала храм этого бога, где стояли изображения его предков, все деяния которых она так хорошо изучила при помощи своего наставника, а потом дополнила эти знания, прочитав в дворцовой библиотеке уже взрослой девушкой семейную хронику Птолomeев! Как при этом она полюбила некоторых предков и как возненавидела других!

Вот рядом с отцом сын Лага — Филадельф. Как любила она этого славного фараона! Он расширил богатую библиотеку ее родного города. К нему, к его двору, стекались ученые, философы и поэты всего мира. Его могущественный флот доходил до Индии.

Вот Птолomeй Эвергет, походы которого в Сирию и Персию так восхищали мечтательную девочку.

А вот его жена — красавица Береника. Для маленькой Клеопатры это был образец женщины. Какой ум! Какая красота! А какая дивная коса! Недаром астрономы перенесли эту чудесную косу на небо и дали одному созвездию название «Волос Береники». Маленькая Клеопатра любила отыскивать это созвездие на небе, недалеко от Арктура, и часто засматривалась на него.

— Ах, если бы у меня была такая коса! —

мечтала удивительная девочка и страстно желала, чтобы и ее имя впоследствии прославилось так же, как имя ее прабабушки.

Бедная девочка не знала, что имя ее будет греметь на земле целые тысячелетия, тогда как имя Береники останется только на картах звездного неба, да и в каталогах небесных светил... Бедная девочка не знала что... Бедная Клеопатра!

— Гнусный убийца! — невольно шептали теперь ее губы при виде изображения Птолемея IV Филопатора. — Ты отравил своего славного отца, Эвергета... Ты убил свою мать, божественную Беренику! Ты умертвил своего брата, свою жену Арсиною! И я должна теперь смотреть на твое изображение.

Перед нею все тринадцать Птолемеев с их женами, детьми.

Взор Клеопатры остановился на изображении последнего Птолемея — ее отца, Птолемея XIII Аулета.

— Бедный, бедный! — шепчут ее губы. — Как он меня любил и ласкал: «Пальмочка моя гибкая! Змейка нильская! Нежный цветочек лотоса!..».

За этими мыслями она и не заметила, как остановилось ее шествие ввиду приближения самого божества. Статуя его возвышалась на носилках, еще богаче, чем ее собственные. Носилки покоились на плечах жрецов, которые махали над

божеством опахалами из страусовых перьев и ветвями деревьев, перевитых цветами.

За этими носилками, на довольно значительном расстоянии, шел сам Апис, массивный белый бык, перед которым также курили фимиам.

При виде этого живого бога и Клеопатра, и Цезарь немедленно сошли с носилок.

Но что вдруг сделалось с Аписом? До сих пор бык шел медленной, грузной, ленивой походкой. Добрые, простодушные глаза животного кротко смотрели и как бы робко спрашивали шедших около него жрецов: скоро ли ему дадут есть? Где тот вкусный сноп свежей пшеницы, которой его всегда кормили во время этих скучных церемоний? То ли дело в храме, в своем стойле? Жуй пшеницу и всякое зерно сколько душе угодно. А тут — на! Жди, голодай да еще нюхай этот проклятый дым благоуханий... Уж этот ему дым! Уж эти противные жрецы! А ничего не поделаешь: нюхай вонючий дым, иди, куда тебя ведут, а иначе не дадут даже соломинки. А у бога с голоду брюхо подводит. Шутка ли! Со вчерашнего вечера не кормили...

И вдруг жрецы замечают, что кроткие глаза Аписа превращаются в злые. Бык, глядя вперед, сердито трясет головой. Хвост его беспокойно бьется о жирные бедра, о ноги... Бык начинает

упираться.

Жрецы в недоумении, в страхе... Что с ним случилось? Божество гневается... И это во время такой торжественной процессии!..

Волнение жрецов переходит в народ... Все со страхом переглядываются...

Апис, видимо, свирепеет... Он остановился, нагнул свою громадную голову и начинает потрясать страшными рогами...

Клеопатра побледнела... Что с ним? Что с богом? Он не признает ее...

Животное начинает злобно реветь, рыть ногами землю... Вот-вот бросится!..

— О! О! — пронесся ужас в толпе. — Бог гневается! О, горе, горе! Горе Египту!

— Я говорил вчера, что божество этого не потерпит... Великий Апис не хочет видеть нечестивых римлян... Недаром филин кричал на пирамиде Хеопса...

В этот момент к Цезарю подходит один старый центурион.

— Скинь тогу, великий Цезарь, — шепчет он, — видишь, глупый бык не выносит красного цвета пурпура твоей тоги... Я служил в войсках Сертория, в Иберии (Испании), так знаю этих глупых животных... Всякий красный лоскут приводит их в ярость.

— Хорошо, спасибо, — улыбнулся Цезарь

презрительной улыбкой и движением обеих рук перекинул тогу за плечи, — пурпур и животным страшен...

Движение Цезаря не скрылось от Аписа. Он разом весь дрогнул. Стоявшие впереди его жрецы испуганно бросились в сторону, уронив на землю изображения некоторых фараонов и священные предметы.

— О, великие боги! Милосердный Озирис! Мать Изида! — прошел стон по толпе зрителей.

— Горе земле фараонов! Погибель Египту.

Но разъяренный бык вдруг успокоился. Закинутые за спину полы тоги, закрыв пурпур ее каймы, открыли грудь Цезаря, закованную в блестящие латы. Апис глядел на него изумленными, но не злыми глазами. Жрецы ободрились. Толпа облегченно вздохнула.

— Бог успокоился... Он простил дерзких иноземцев.

— Нет, римлянин чарами ослепил великого Аписа-Озириса.

Клеопатра все еще испуганно озиралась. Но Цезарь успокоил ее.

— Не бойся, царица, — тихо сказал он. — Это мой пурпур встревожил так божество Египта, но не я лично.

Прервавшаяся, было, церемония продолжалась снова. Верховный жрец, овладев

своим волнением, громко возглашает гимн божеству. Тогда, по его знаку, другие жрецы, которые несли священные предметы — снопы пшеницы, золотой серп, сосуд с елеем, клетку со священными птицами и т. д., и те, которые несли изображения предков Клеопатры, делают полукруг около Аписа, который не сводит умильных глаз со снопа сочной пшеницы и тоже поворачивается вслед за жрецами и вкусной приманкой — соблазнительным снопом.

Теперь Клеопатра и Цезарь очутились позади Аписа и последовали за ним по направлению к храму Озириса. За ними двинулись Антигон, идумей Антипатр с сыном Иродом, Митридат пергамский, эрисы и римские знаменосцы с легионными орлами, с царскими носилками и, наконец, войска и народ, который, впрочем, уже опережал процессию и нестройными толпами спешил к храму, спотыкаясь о попадавшие на пути сфинксы, падая, славословя своих богов, толкая друг друга и бранясь на всех языках Египта, Нубии, Финикии и Сирии.

Голова процессии достигает, наконец, храма и останавливается, не вступая в него. Жрецы со священными предметами и с изображением предков Клеопатры располагаются полукругом, так что Клеопатра и Цезарь остаются в голове этого полукруга. В центре же его становится золотая

клетка со священными птицами, а перед нею — Апис рядом с верховным жрецом. По другую сторону клетки, лицом к Апису и ко всему сонму присутствующих, помещаются два жреца, из которых у одного в руках сноп пшеницы и золотой серп.

Апис, окончательно успокоившийся, продолжает смотреть на пшеницу. Он умный бог и ждет теперь терпеливо. Он знает, что как только выпустят птичек из клетки, ему тотчас же дадут эту вкусную пшеницу. Недаром же жрецы целую неделю подготавливали его к этой церемонии — репетировали с ним обряд венчания на царство, — что делать? — надо ждать, надо покоряться жрецам, хоть он и бог...

— Вы, чада великого Озириса, гении и покровители четырех стран света! — возглашает между тем верховный жрец. — Несите на ваших легких крыльях радостную весть всему миру, поведайте востоку и западу, северу и югу до крайних пределов земли, что божественная дочь великого фараона Аулета — да живет он вечно в жилище Озириса! — юная Клеопатра венчается венцом верхней и нижней страны фараонов.

При этом он открывает, одну за другой, четыре дверцы золотой клетки, по дверце на каждую из четырех сторон света, и четыре священные птицы одна за другой выпархивают и,

испуганные возгласами толпы, быстро разлетаются в разные стороны. Из толпы раздаются радостные крики.

— Смотрите! Эта полетела к Чат-Ур, на «великие зеленые воды» (Средиземное море). Вон, все выше и выше поднимается посланец великого Озириса.

— А та полетела на Хоннор (Сахара) и Катабатмос — на запад земли.

— А эта в страну Куш и Тахонт (Эфиопия и Судан).

— Нет — в священную страну Пунт, откуда привозятся благовония.

— А где четвертая? Ее не видать.

— А вон, вон смотрите! Она понеслась на Мафку (часть Аравии).

— А теперь повернула к великому морю, к синим водам Секота.

— Венчают! Венчают! Несут венец фараонов! Что это? Передают его римлянину?

Действительно, один из жрецов подходит к Цезарю и подносит к нему на блюде изящную золотую коронку — венец Верхнего и Нижнего Египта. Цезарь делает знак великанам-скифам, которые и подходят к нему с легионными орлами.

— Именем сената и народа римского склоните орлов Рима над венцом фараонов! — торжественно возглашает Цезарь. Легионные орлы склоняются

над венцом.

— Как осеняют эти золотые птицы венец фараонов, так непобедимые легионы Рима будут осенять и защищать от всех врагов прекрасную страну фараонов! — снова возглашает Цезарь.

Потом он берет с блюда венец и передает его верховному жрецу.

— Именем сената и народа римского я повелеваю возложить венец фараонов на священную голову дочери последнего фараона, Клеопатры, — говорит он и велит склонить легионных орлов над ее хорошенькой головкой. Смуглые щечки Клеопатры вспыхнули заревом, когда верховный жрец надел на ее голову золотую, сверкавшую драгоценными камнями Индии корону ее предков.

При виде этой сцены юный, честолюбивый идумей Ирод положил в своей душе завет, что и он будет царем Иудеи, Самарии и Галилеи, во что бы то ни стало.

— По рекам крови и по грудам трупов дойду до царского трона...

Теперь Клеопатра, приблизившись к жрецам, державшим сноп пшеницы и золотой серп, взяла последний из рук жреца и срезала несколько колосьев пшеницы, сколько могла захватить ее маленькая ручка. Морда Аписа жадно потянулась к этой горсти сочного корма. «А! Теперь-то дадут!

Весь сноп дадут!» — казалось, говорили его повеселевшие глаза. И ему дали, и он жадно жевал сочные, зрело налившиеся колосья пшеницы.

— Бог принял жертву! — пронесся радостный говор в толпе. — Апис-Озирис кушает... Урожай пшеницы будет обильным.

— Слава великому Апису-Озирису! Слава новому фараону — царице Клеопатре! — кричали египтяне.

— Слава сенату и народу римскому! — возглашали воины Цезаря. — Слава великому триумвиру Юлию Цезарю!

«И мне так будут кричать иудеи и самаряне!» — думал Ирод, жадно внимая этим кликам.

III

Хотя Ирод был родом идумей, однако он при всей своей молодости играл очень влиятельную роль в управлении Иудеей.

В то время, когда начинается наше повествование (48–49 гг. до Христа), Иудея была обуреваема внутренними смутами. Цари ее, потомки славных Маккавеев, если чем и прославились, то только своей бездарностью и злодеяниями. Когда Цезарь возлагал на хорошенькую головку Клеопатры венец фараонов, с ним в Александрии находились, как мы видели,

Антигон, последний потомок Маккавеев, и два идумея, Антипатр и его сын Ирод. Антигон был сын последнего царя Иудеи, Аристовула, отравленного приверженцами Помпея за то, что он принял сторону Цезаря. Но, кроме сына Антигона, у него оставался еще брат Гиркан, носивший сан первосвященника иудейского народа.

Антипатр же хотя не был природным иудеем, однако, можно сказать, играл судьбами Иудеи. Его громадное богатство, обширные связи и знакомства в Риме и Египте, его родство с Аретою, царем каменистой Аравии, на сестре которого, по имени Кипра, он был женат, делали его всемогущим властелином Иудеи. От Кипры у него было четыре сына — Фазаель, Ирод, Иосиф и Ферор и дочь Саломея — красавица и демон Иудеи, если можно так выразиться.

Когда в Александрии кончились празднества в честь коронования Клеопатры, Цезарь принимал у себя во дворце Митридата, пергамского царя, иудейского царевича Антигона и Антипатра с сыном Иродом. Всемогущий триумвир встретил их ласково, даже дружески. Несмотря на то, что он был теперь полновластным господином и повелителем величайшей и могущественнейшей в мире державы, он был чужд малейшего высокомерия и показной важности. В нем было слишком много внутреннего содержания и ума,

чтобы прибегать к пошлomu проявлению величия, на что способны натуры неглубокие, мелкие. Это был скорее философ-полководец, даровитый писатель, скромный до величия. Притом он помнил, что явившиеся к нему высокие гости сделали для него очень многое: без их помощи его гениальная, рано облысевшая голова, быть может, так же покоилась бы на одном из блюд дворца фараонов, как недавно на одном из таких блюд ему поднесли голову Великого Помпея. Ведь когда Цезарь, явившись в Александрию всего только с пятитысячным войском, был окружен со всех сторон египтянами, напавшими на него под предводительством старшего брата Клеопатры, только эти трое, Митридат, Антипатр и Ирод, вынули гениальную голову римлянина, можно сказать, из петли. Митридат, прибывший со своим войском из Сирии, а Антипатр и Ирод из Иерусалима, повели такую бешеную атаку на египтян, что часть их бросилась в Нил и потонула вместе с братом Клеопатры, а остальная часть бежала, преследуемая Иродом.

— Я рад вас видеть, — сказал Цезарь, обращаясь преимущественно к Митридату и к Антипатру с Иродом, и, по-видимому, мало замечая Антигона.

Последний понял это. Он знал, что Антипатр, угрожая Риму, ищет одного — оттеснить от власти

последних потомков Маккавеев, которым дорога независимость Иудеи. Он знал, что властолюбивому иудею не дает покоя иерусалимская корона — быть хоть рабом в Риме, но царем в Иудее.

Дрожа от волнения, он выступил вперед.

— Всемогущий повелитель, — начал он со слезами в голосе, — рассуди нас с Антипатром и его сыновьями. Я — потомок царей Иудеи и сын последнего царя Аристовула, — он говорил медленно, как бы задыхаясь и с трудом подбирая слова. — Его отравили приверженцы Помпея за то, что ты освободил его из мамертинской тюрьмы, с почестями и с двумя легионами отправил в Сирию против Помпея... Да, его отравили за преданность тебе, Цезарь. Бедный отец! Бедный царь Иудеи! Его тело даже лишено было погребения в родной земле... Верные слуги царя долго сохраняли его царственное тело в меду, пока Антоний не приказал отослать его в Иудею для того, чтобы оно нашло свое вечное успокоение в наших царских гробницах... О, великий Цезарь! Слезы мешают мне говорить... Прости... За отцом вслед погиб и мой брат Александр-царевич: по повелению того же Помпея ему отрубили голову... О, Иегова! Ты видел эту прекрасную голову не на блюде, как голову его убийцы, а в прахе, под ногою палача...

Цезарь незаметно вздрогнул. Он вспомнил

голову Великого Помпея на блюде... Что ждет его самого?

— Голова за голову — таков суд Иеговы, — продолжал Антигон, нервно утирая слезы. — И что же? Мы, цари Иудеи, потомки славных Маккавеев, изгнанники! Нас, как бродяг, как нищих, великодушно принял Птоломей, владетель Халкиды... И вот я перед тобой, великий Цезарь, я — жалкий проситель за себя, за мать свою, за братьев, за сестер... А тот, который из лести подвязывал ремни у сандалий Помпея, тот, который...

Антипатр не выдержал. В нем заговорила идумейская кровь. Ирод тоже схватился под плащом за свой дамасский меч. Но отец предупредил его. Несмотря на присутствие Цезаря, он заметался, как тигр, и стал срывать с себя одежду.

— Смотри! — захрипел он злобно, показывая на свои раны. — Чтобы доказать мою верность великому Цезарю, я не буду прибегать к словам, если я даже буду молчать, мое тело слишком громко говорит за меня.

Он стоял страшный, обнаженный до пояса. Все мускулистое смуглое тело его было в рубцах. Иные раны были свежеперевязанные.

— Смотри, — продолжал он, — это раны свежие, которые еще не затянулись... Их обмывали

воды в тот день, когда великий Цезарь вводил Клеопатру во дворец ее предков. Из этих ран еще сочилась свежая кровь, когда из Нила вынули мертвое тело Птолемея, противника великого Цезаря. А кто загнал его в Нил? Вот этот идумейский меч, который иззубрен о доспехи египтян. А ты что делал в это время?

— Но у меня не было войска, — отвечал Антигон, — оно оставалось в Иерусалиме, у моего дяди, у первосвященника Гиркана.

— Да! — возразил Антипатр. — Но дядя не прислал этого войска племяннику, Гиркан доверил его мне, идумею, а не потомку Маккавеев. Мало того, он, через меня, писал египетским евреям, чтобы они приняли сторону Цезаря, а не сторону Птолемея.

— Вот его письмо, — сказал Ирод, показывая сверток. — Повелитель! — обратился он к Цезарю. — Позволь мне к словам моего отца присоединить и мое слово. Когда мы вместе с этим человеком, — он указал на Антигона, — учились в Риме эллинской и римской мудрости и однажды спускались с высоты Капитолия на Форум, этот человек, остановившись перед изображением волчицы, кормящей Ромула и Рема, сказал: «Вот Рим, детище волчицы, в каждом римлянине течет кровь волка, и оттого ненасытный Рим жаждет пожрать Вселенную; теперь Цезарь пожирает

Галлию и Британию, Серторий — Иберию, Помпей — Сирию; они пожрали Грецию, скоро пожрут Египет. Но Иегова не допустит их пожрать Иудею с народом избранным: ему уготовано владычество над миром, а мы, Маккавеи, посланники Иеговы. Как Иисус Навин остановил солнце, так мы остановим римских орлов — ни шагу далее». Вот его слова, великий Цезарь.

Цезарь слушал молча, как беспристрастный судья слушает тяжущиеся стороны. Антигон был бледен.

— Да, — сказал он глухо. — Да, Ирод, мы вместе с тобой учились у Цицерона красноречию, и ты теперь доказал, что ты его ученик. Но если бы бронзовая волчица, о которой ты говоришь, слышала тебя теперь, то бездушная медь, наверно, воскликнула бы: «Ты лжешь, Ирод, перед лицом Цезаря!» Тогда выступил Митридат.

— Нет, лукавый Иудей, — сказал он, — если бы ты повторил эти слова перед бронзовой волчицей, то ее металлическая лапа дала бы тебе пощечину. Не ты ли, встретив меня у Пелузиума, когда я спешил на помощь к Цезарю, сказал окружавшим тебя онийским евреям: «Вот идет евнух Цезаря!», и при этом воскликнул: «О, Сион! Да будет бесславие Пергама тебе уроком! А ты, евнух римского волка, — крикнул он мне, — иди и скажи этому волку, что Иегова не позволит ему

ворваться в овчарню избранного народа; уже подали ему на блюде голову другого волка — это Помпея! Скоро и его плешивая голова будет гнить на том же блюде».

— Это он говорил так дерзко потому, — пояснил Ирод, обращаясь к Цезарю, — что тогда прошел слух, что римляне будто бы заперты в Брухиуме и скоро все римляне будут перерезаны, а за твою голову, повелитель, будто бы Птоломей обещал золота весом, равным весу головы.

— Маловато, — улыбнулся Цезарь, — мою голову, когда я был еще почти мальчиком, пираты оценили в двадцать талантов, а я им дал пятьдесят.

Антигон был уничтожен. Он стоял бледный, растерянный.

— Успокойся, потомок Маккавеев, — обратился к нему Цезарь, — римский волк не только не ворвется в овчарню Иеговы, но он даже прикажет ее починить... Какая часть иерусалимских стен разрушена Помпеем? — спросил он Антипатра.

— Разрушена часть северных стен и башня, — отвечал последний.

— Хорошо. От имени сената и народа римского я позволяю возобновить разрушенные стены, — сказал Цезарь.

Антипатр и Ирод поклонились в знак благодарности.

— Гиркана же я утверждаю в сане первосвященника иудейского народа. Я знаю — народ его любит. Сам же он, по кротости характера и по благочестию, достоин быть судьей своего народа. Ты же, достойный вождь Иудеи, — обратился Цезарь к Антипатру, — избери высокий пост по твоему собственному желанию. Какой именно?

Антипатр уклонился от прямого ответа. В душе он лелеял царский венец.

— Великий Цезарь! — отвечал он после недолгого молчания. — Позволь мне предоставить меру награды самому награждающему.

Цезарь, немного подумав, сказал:

— Ты заслужил высшей награды, какую только может предоставить тебе Рим: именем сената и народа римского я назначаю тебя прокуратором над всей Иудеей. Этот акт дружеского союза с Иудеей я отправлю в Рим, дабы вырезан был на медной доске и поставлен в Капитолии вместе с другими государственными актами.

Ирод, отошедший в эту минуту за колонны, поддерживавшие передний купол дворца, появился оттуда, держа в руках массивный золотой щит художественной чеканки.

— Щит этот, работы иерусалимских художников, подносит Иудея Риму как эмблему

того, что последний с этого знаменательного дня станет навсегда несокрушимым щитом первой, — сказал Антипатр, передавая щит Цезарю.

— Что же мне остается от наследия моих предков? — в порыве отчаяния воскликнул Антигон. — Права рождения... царственная кровь, текущая в моих жилах... великие заслуги Маккавеев перед иудейским народом... все это попрано, забыто!

— Нет! — строго отвечал Цезарь. — Права рождения, царственная кровь в твоих жилах, древность рода — все это остается при тебе; заслуги Маккавеев также почтены иудейским народом и историей. Но где твои личные доблести? Что ты сделал для Иудеи? Царские дети, как и дети рабов, не рождаются в порфире и со скипетром в руке. То и другое они должны заслужить сами. Наследие отцов — это пагуба для их детей. Богатство отцов, слава их имени, власть, скипетр, переходя по наследству к детям, только развращают их, делают беспечными к оказанию личных доблестей.

В это время в перспективе между колоннами дворца показалась блестящая группа. То Клеопатра, в сопровождении многочисленной свиты из придворных и рабынь, направлялась на половину Цезаря.

Неразгаданная улыбка скользнула по

серьезному лицу завоевателя.

«Какие доблести совершила эта блестящая куколка? — казалось, говорила неразгаданная улыбка. — Что сделала она для Египта?.. А между тем...»

Цезарь вспомнил что-то, и на его морщинистом, цвета старого пергамента лице показалась краска.

IV

Действие переносится в Иерусалим.

На южной галерее дворца иудейских царей, откуда открывался прекрасный вид на Гефсиманский сад с его столетними седолиственными маслинами и на всю Елеонскую гору, в тени навеса сидела вдовствующая царица Александра. Это была женщина еще не старая; правильные, нежные черты лица изобличали былую красоту — красоту яркую, жгучую; но годы дум, забот и дорогих утрат наложили на это прекрасное лицо печать уныния. Царская семья, к которой она принадлежит, стала как бы чуждою в Иудее. Позади — столько близких ей покойников, которых она еще вчера посещала в царских гробницах. Впереди — беспросветный мрак. Что станет с ее дорогими детьми-сиротками? Их дедушка первосвященник Гиркан — только тень главы иудейского народа.

Над всем господствует хищная семья идумеев: сам Антипатр, слуга языческого Рима, прокуратор Иудеи, кровожадным коршуном носится над несчастной страной, отягощая ее поборами в пользу алчного Рима. Старший сын его, Фазазель, свил гнездо в самом Иерусалиме и держит в тени и первосвященника, и весь синедрион. Второй сын, Ирод, в качестве наместника Галилеи льет кровь приверженцев царского дома. А разрушенные стены Иерусалима все еще зияют своими развалинами, напоминая страшные дни осады города жестоким Помпеем. Храм Соломона и Зерувавеля все еще стоит обнаженным. Около Овчей купели груды неубранных камней.

Царица так углубилась в свои грустные думы, что даже не слышала детских голосов, которые спрашивали: «Где же мама? Где бабушка?»

И вдруг на галерее показалась прелестная девочка, лет шести-семи, с золотистыми волосами, а за нею почти таких же лет мальчик.

— Ах, мама, как нам было весело! — зашебетала девочка, кладя руки на плечи матери.

— Где же вы были так долго? — спросила последняя.

— У пророков и патриархов, — поспешил ответить мальчик.

— Как? Зачем? Да ведь это далеко — за Кедронским потоком и Иосафатовой долиной.

Дети лукаво переглянулись.

— Это все дедушка, — сказала девочка. — Когда ты вчера посещала гробницу нашего отца, дедушка рассказывал о наших пророках — что они делали, как жили.

— И где они лежат теперь — вон там, там! — пояснил мальчик, перебивая сестру.

— Мы и просили дедушку, чтобы он позволил нам туда сходить, — торопилась девочка.

— Нет, Мариамма, не сходить, а съездить, — снова перебил мальчик.

— Ах, Аристовул, ты все перебиваешь, — возразила горячо девочка, — я и хотела сказать потом, что мы ездили, а не ходили; а прежде мы думали, что пойдем.

— Вот и нет! Я не думал, что пойдем: туда далеко.

— Ах, Аристовул, да ты и не знал, что это далеко.

— Нет, знал! Нет, знал!

Мать невольно рассмеялась, любуясь детьми, их оживленными личиками.

— Ну, дети, не спорьте, — сказала она, лаская и девочку, и мальчика. — Пусть рассказывает Мариамма — она старшая; а ты, Аристовул, напомни ей, если она что-нибудь пропустит или забудет.

— Нет, мама, я ничего не пропущу, —

возразила девочка.

— А вон сказала же, что мы пойдем, а не поедем, — не унимался мальчик.

— Ах ты спорщик! — погладила его мать.

— Он всегда такой! — надулась девочка.

— Ну, ну, полно, рассказывай, — успокаивала ее мать. — Рассказывай же... Так вы поехали...

— Да, мама. Утром, когда мы встали и нас одели...

— И я выпил свое козье молоко, — не вытерпел Аристовул.

— Ах! Опять! Мама!

— Да ты пропустила козье молоко... А мама сказала, чтобы я...

— Ну, Аристовул, ты совсем глупый мальчик, — стараясь не рассмеяться, сказала Александра. — Козье молоко совсем не относится к вашей поездке. Ну, хорошо, утром вас одели...

— А дедушка велел оседлать наших осликов и сказал раби Элеазару, чтобы он ехал с нами и показал нам гробницы наших патриархов и пророков. Мы и поехали через Овчие ворота к Кедронскому потоку, и нам все кланялись и говорили: «Вот внучка и внучек нашего первосвященника...»

— Нет, прежде говорили «внучек», а потом «внучка», — снова вмешался Аристовул, — меня первым называли, а тебя после.

— Ну, все равно, — остановила его мать, — замолчи.

— Ну, мы и поехали; едем, едем, едем, — продолжала маленькая Мариамма, точно сказывая сказку.

— А вот и забыла, — не унимался маленький Аристовул, — а Овчая купель? Как там овечек купают.

— Ах, мама! Какие там хорошенькие овечки! — воскликнула Мариамма. — И их всех резать будут в жертву Иегове... Ах, мама! Зачем Иегове овечки?

— Он принимает их как жертвоприношение: он любит кадильное благоухание и дым от всесожжения, так надо, так завещали нам отцы наши — Авраам, Исаак, Иаков⁴, — наставительно сказала Александра. — Ну, что дальше?

— Дальше мы переехали Кедронский поток, потом раби Элезар показал нам гробницу Иосафа, а немножко дальше гробница Авессалома...

— А Авессалом, мама, был нехороший, отца не слушался, — опять перебил Аристовул.

— Я сама это хотела сказать, а вот ты так

⁴ Иаков — библейский патриарх, родоначальник народа Израильского, младший сын Исаака (Израиль) — сына Авраама и Сарры.

забыл... Что! Что! — обрадовалась Мариамма. — Когда мы, мама, проезжали мимо Гефсиманского сада, то оттуда вышла старенькая женщина и бросила под ноги нашим осликам пальмовые ветки, а в руки нам подала по масличной ветви, а потом поцеловала края нашей одежды и сказала: «Бедные царские детки-крошки! Их ограбили идумеи». А когда мы спросили раби Элеазара, какие это идумеи, он сказал, что Антипатр, Фазаель и Ирод, «Как они нас ограбили?» — спросила я раби Элеазара. А он сказал, что нам еще рано это знать.

Александра грустно улыбнулась и поспешила свести разговор на другое.

— Что же, деточки, вы поклонились и гробам наших пророков? — спросила она.

— Да, поклонились, мама! — разом отвечали дети. — Как там страшно!

— А оттуда, мама, мы возвращались не через Овчие врата, а раби Элеазар провел нас через Золотые и через храм, — поспешил заявить Аристовул. — А осликов наших взяли рабы и повели домой.

— А когда мы проходили через двор храма, то многие кричали: «Осанна! Осанна!» — и давали нам дорогу, как большим, — гордо заключила Мариамма.

В это время в конце галереи показалась внушительная фигура старика в

первосвященническом одеянии, с повязкой на голове и с жезлом в руке.

— Дедушка! Дедушка! — радостно закричал Аристовул.

— Мы были у патриархов и пророков, — со своей стороны заявила Мариамма, бросаясь навстречу к старику и поднимаясь на цыпочки, чтобы поцеловать его бороду.

Это был Гиркан, первосвященник, брат покойного царя Аристовула II, отравленного приверженцами Помпея, и дядя Антигона, которого мы уже видели на коронации Клеопатры и на аудиенции у Цезаря. Высокий рост, длинная патриаршая борода и плавные движения делали вид его внушительным, однако мягкое, добродушное выражение лица и кроткие, как бы робкие глаза изобличали, по-видимому, отсутствие энергии и стойкости. Самый отказ его от престола в пользу младшего брата, Аристовула, как бы свидетельствовал об отсутствии в нем качеств государственного человека.

Дети очень любили его и тотчас же завладели старым первосвященником, болтая о своей поездке к гробницам патриархов и пророков и перебивая, друг дружку. Гиркан же только любовно улыбался и повторял: «Ну-ну, козляточки, не торопитесь, не скачите так, дайте с матерью поздороваться».

— Куда это, отец, ты собрался? — спросила

Александра, целуя руку свекра.

— В синедрион⁵, голубка, в синедрион, — отвечал первосвященник, опускаясь на невысокое резное кресло.

— Но сегодня, кажется, не судный день?

— Экстренно судный, голубка, экстренно...

Да вы не щиплите мне бороду, козлята, всю вырвете, — отбивался он от детей. — Сегодня суд назначен над этим наглым самоуправцем — над Иродом. Он стоит, чтобы распять его на кресте, как простого разбойника, и я это сделаю, клянусь богом Авраама, Исаака и Иакова.

Эти слова так поразили Александру, что она сразу не могла прийти в себя от изумления. Ирод, имя которого, несмотря на его молодость, гремело уже по всей иудее, Самарии и Галилее, и вдруг на кресте, на позорной Голгофе! И это говорит робкий и нерешительный Гиркан! А что скажут Антипатр и Фазаель? Сердце Александры забилося и страхом, и надеждою... Они ограбили ее детей. Они отняли у ее милого малютки наследственный престол.

— А ты нас, дедушка,пустишь на Голгофу посмотреть, как будут Ирода распинать? — спросил

⁵ Синедрион — верховный суд иудеев, находившийся в Иерусалиме под председательством первосвященника. Состоял он из 72-х членов и существовал до 425 года.

Аристовул, ласкаясь. — Мы с раби Элезаром...

— Замолчи ты, несносный мальчик! — перебила его мать. — Какое преступление совершил Ирод?

— Он их много совершил, голубка, — рассеянно отвечал Гиркан, глазами показывая своему любимцу: дескать, пушу на Голгофу.

— А я не пойду туда, дедушка, — конфиденциально шепнула на ухо деду Мариамма. — Я боюсь.

— Дети, я вас выгоню! — серьезно сказала Александра.

— Ну-ну, не сердись, голубка, они будут смиренно сидеть, — успокаивал ее Гиркан. — Видишь ли, тебе известно, что когда Цезарь назначил Антипатра прокуратором Иудеи, то он, от себя уже и с моего разрешения, определил Фазаеля начальником Иерусалима и окрестностей, а этого разбойника, мальчишку Ирода, послал от себя наместником в Галилею. Ну, эти-то, Антипатр и Фазаель, ведут себя хорошо, слушаются меня, во всем исполняют мою волю... Сидите тише, козлята (это к детям, шепотом). Ну, так Антипатр даже, с моего согласия, разослал по Иудее повеление, в котором говорит, что иудеи, преданные первосвященнику Гиркану, будут жить счастливо и спокойно, наслаждаясь благами мира и своим благоприобретенным имуществом; но тот, кто даст

обольстить себя мятежникам, тот найдет в нем, Антипатре, вместо заботливого друга — деспота, во мне же, в первосвященнике, вместо отца страны — тирана, а в римлянах и в Цезаре, вместо руководителей и друзей — врагов, так как римляне-де не потерпят унижения того, кого они сами возвысили.

— Да, он хитрый, этот идумей, — как бы про себя заметила Александра.

— А старушка из Гефсиманского сада сказала нам, что он нас ограбил, — прозвенела вдруг Мариамма, соскакивая с колен деда.

— Что? Что, козочка? — удивился последний.

— Ну, об этом после, дорогой батюшка, — отвечала Александра. — А ты ничего еще не сказал о главном — об Ироде.

— Да, да, голубка, я к тому и веду речь, — сказал Гиркан, освобождая свою бороду из рук Мариаммы, которая начала было заплетать ее в косу. — Тебе, вероятно, неизвестно, что, когда брат мой, царь Аристовул, был отравлен и войска его были разбиты римлянами, храбрый Иезеккия, верный памяти отравленного царя, собрал небольшой отряд отважных иудеев, чтущих заветы отцов, и стал громить пограничные города Сирии и римские легионы, пролившие столько иудейской крови. Так этот разбойник Ирод, выслуживаясь перед наместником Сирии, Секстом-Цезарем,

родственником Цезаря-триумвира, напал на Иезекию, взял его в плен с некоторыми его соратниками и без всякого суда, не донося даже мне, казнил собственной властью. А, каков мятежник?

— Да, точно ты и не первосвященник, не глава, не отец иудейского народа; это ужасно! — качала головой Александра.

— Да, да! — вдруг разгорячился Гиркан. — И этого разбойника вдруг начали прославлять и сирийцы, и римляне... «Герой Ирод!» — кричат везде. Даже в моем царском дворце тайные соглядатаи и рабы римлян перешептываются: «Быть царем Ироду». Преданные мне слуги давно говорят: «Ты, царь, выпустил напрасно из рук своих вожжи. Их ловкою рукою схватил Антипатр с Иродом и Фазаелем, а тебе осталась только кличка царя и первосвященника. Доколе — говорят — ты будешь оставаться в заблуждении, вскармливая себе на гибель царей? Теперь Ирод правит Иудеей, а не ты».

— Да это и правда, — подтвердила Александра, — ты, отец, слишком добр. Ты и внуков своих не можешь усмирить: вон они уже на тебе верхом сидят.

— Да, да, прочь, козлята, — отбивался старик от детей, — а то я вас с Иродом отправлю на Голгофу. Но вот что, — продолжал серьезно

Гиркан, — прежде у меня не было повода казнить Ирода, а теперь есть: это его злодеяние в Галилее, око за око, зуб за зуб, по писанию... Казнь за казнь! Сегодня он должен предстать перед синедрионом, и я иду судить его... На Голгофу! На крест!

Гиркан осторожно спустил с колен детей, выпрямился во весь свой величественный рост и пошел к ожидавшим его царедворцам, чтобы отправиться в синедрион.

— Какой дедушка сегодня сердитый, — сказала Мариамма, следя глазами за величавой походкой первосвященника, — он непременно велит распять Ирода.

Но Александра этому не верила. Она вспомнила, что жалостливый Гиркан даже в храме, когда приводили агнцев на заклание, закрывал глаза, чтобы не видеть мучений невинных овечек.

V

Гиркан, сопровождаемый придворными чинами, прибыл в синедрион, когда верховное судилище было уже все в сборе.

Члены синедриона тотчас же по лицу первосвященника заметили, что он чем-то смущен и даже напуган. Однако все почтительно встали при его появлении.

— Мир вам, — сказал он как-то растерянно и

занял свое место.

В нем теперь нельзя было узнать того добродушного дедушки, которого за несколько минут перед этим так тормозили и забавляли Мариамма и Аристовул, и еще менее он напоминал того величавого и даже грозного первосвященника, который, собираясь идти в синедрион, воскликнул: «На Голгофу! На крест Ирода!»

Как бы то ни было, он занял свое почетное место, нечто вроде трона. Недалеко от него поместились главы синедриона: раби Семаия и раби Автилион, а по бокам их прочие члены верховного судилища. Перед судьями на столе лежали свитки законов и донесения из разных мест и городов Иудеи, Самарии и Галилеи, подлежащие обсуждению синедриона.

— Державный царь и вы, почтенные судьи синедриона! — начал Семаия. — Нам предстоит обсудить деяния, я скажу прямо — злодеяния Ирода, сына Антипатра, недостойного наместника Галилеи. Вам известно, что когда римляне, посягнув на независимость и даже на божеские законы иудейского народа, разрушили стены нашего святого города и, в лице нечестивого Помпея, вторглись даже во святая святых нашего храма, а потом избили или рассеяли наших воинов, воинов Иеговы, то этих рассеянных, небольшую горсть, слабую числом, но сильную духом, собрал

около себя наш доблестный вождь Иезеккия, собрал, как кокош собирает птенцов своих, и ободрил; эта малая горсть, как некогда горсть дружины Иегуды Маккавея, стала наносить удары врагам Иудеи и Иеговы, и мы надеялись, что Бог Авраам, Исаака и Иакова услышит наши молитвы и оружием Иезеккии освободит нашу страну от иноплеменного ига. Но надежды наши оказались тщетными. Иегова отворотил лицо свое от избранного народа, ибо среди нас явился нечестивец, прогневивший Бога отцов наших. Нечестивец этот — Ирод, сын Антипатра, которого мы же взлелеяли, дав идумею место среди народа Божьего. Этот сын пустыни, отпрыск исконных врагов народа Божьего, филистимлян, этот волк напал на малое стадо наше и разогнал его, а пастыря этого стада, доблестного Иезеккию, казнил своею властью, без суда, растерзал по-волчьи.

Маленькая, тощая фигурка Семаии, казалось, выросла по мере того, как он говорил. Его бледный лоб и серебристая борода, сдавалось, сверкали огнем.

Он остановился и стал к чему-то прислушиваться.

— Слышите? Эти вопли и стенания, они стучатся в наши сердца, в нашу совесть! — продолжал он, указывая дрожащей рукою в пространство. — Это вопли и стенания матерей,

жен и детей тех, у которых жизнь отнял Ирод. Вопли младенцев взывают о мщении, это кровь избитых вопиет к нам и к небу.

Гиркан сидел бледный, безмолвный. Рука его нервно ощупывала что-то под мантией первосвященника. То было приводившее его в трепет послание, полученное им сейчас, по дороге в синедрион, из Сирии, от запыленного и загорелого римского воина-гонца. То было письмо от наместника Сирии, Секста-Цезаря, который грозил Гиркану и всей Иудее беспощадным гневом Рима, если Ирод будет казнен.

Стоны, вопли и невнятный гул перед синедрионом все усиливались. Казалось, все население Иерусалима стекалось на суд Ирода. Слышались даже глухие раскаты голосов, как восемьдесят лет после этого по совершенно другому обстоятельству и по отношению к совершенно другому лицу.

— Распят! Распят его!.. — вот, что доносилось теперь до слуха членов синедриона.

— Слышите! Это голос народа, голос самого Иеговы! — снова воскликнул Семаия, высоко поднимая свитки закона. — Царь! К тебе взывает Иегова голосом своего народа: кровь за кровь, вот, что начертано посланником Иеговы в этих свитках.

Ропот толпы усиливался. Можно было думать, что чернь ворвется в синедрион.

— Царь, останови народ свой! — продолжал Семаия. — Не дай осквернить свитки закона.

Бледный, растерянный поднялся Гиркан со своего трона и нетвердыми шагами вышел в преддверие синедриона. Внизу волновалось море голов. Крики и вопли умолкли по появлении первосвященника.

— Дети! — сказал он дрожащим голосом. — Сыны и дочери Сиона! Что вы хотите от меня?

— Распни! Распни его! — снова заревела толпа. — На Голгофу Ирода!

— Мне ли, слугителю Иеговы, обагрять руки в крови, дети мои? — молил Гиркан.

— Кровь его на нас и на детях наших! — отвечал народ, подобно тому, как восемьдесят лет спустя он отвечал по совершенно другому обстоятельству и по отношению к совершенно другому лицу.

Подавленный, уничтоженный воротился Гиркан в синедрион и беспомощно опустился на свое царственное сидение. «Что-то скажет грозный Рим?» — смутно колотилось у него в душе.

Между тем ропот толпы перешел в неистовый рев.

— Ирод! Ирод идет! Убийца! Идумей! Распять, распять его! — слышались вопли.

Но затем до слуха Гиркана и других членов синедриона донеслись крики ужаса, вопли женщин,

плач детей. Все безмолвно переглянулись.

— Это он, — сказал раби Автолион, второй член синедриона, высокий благообразный старик с белой бородой до пояса. — А я думал, что он обратится в бегство.

В это мгновение дверные завесы синедриона распахнули чьи-то невидимые руки и перед изумленными взорами верховных судей предстал тот, кого ожидали. Это был юноша, не старше двадцати пяти лет, статный, мускулистый, с гордым выражением еще безбородого лица, с чем-то вроде презрения или сожаления к беззащитным старцам в наглom взоре, которым он окинул собрание синедриона. На нем была пурпурная мантия, из-под которой сверкало дорогое оружие. За ним в стройном порядке, звеня оружием и щитами, вступил отряд гоплитов из его римского легиона.

При виде всего этого почтенное собрание старцев точно окаменело. Казалось, эти пришедшие явились, чтобы арестовать или разогнать верховное судилище.

— Мир вам! — сказал Ирод.

Никто не отвечал. Гиркан судорожно мял под мантией клочок папируса с грозными словами наместника Сирии. Только извне доносился ропот толпы. Ирод ждал, гневно насупив брови. Тогда поднялся раби Семаия. Лицо его было строгое, но спокойное.

— И вы, судьи, и ты, царь мой, — начал он с иронией в голосе, — и я, наконец, все мы в первый раз видим человека, который в качестве подсудимого осмелился бы в таком виде предстать перед синедрионом. До сих пор обвиняемые являлись обыкновенно в траурной одежде, с гладко причесанными волосами, дабы своей покорностью и печальным видом возбудить в верховном судилище милость и снисхождение. Но наш друг (на слове «друг» оратор сделал ироническое ударение; но это ударение, словно удар хлыста по лицу, вызвало багрянец на смуглые щеки Ирода), наш друг Ирод, обвиняющийся в убийстве и призванный к суду вследствие такого тяжкого преступления, стоит здесь в порфире, с завитыми волосами, среди своей вооруженной свиты: он это сделал для того, чтобы в случае, если мы произнесем законный приговор, а приговор этот — смерть на кресте на Голгофе, так, чтобы в случае такого приговора, переколоть нас всех и насмеяться над законом.

Оратор остановился и обвел собрание глазами, полными выражения жалости. Он видел, что все члены синедриона кидают робкие взоры то на Ирода, то на Гиркана. Последний глядел на Ирода, как бы желая сказать: «Зачем ты пришел сюда, когда мог совсем не являться на суд? Не мы твои судьи, а ты не наш судья».

Семаия уловил этот взгляд, и презрение сверкнуло в его добрых глазах.

— О! — как бы простонал он. — Я не упрекаю Ирода, если он своей личной безопасностью дорожит больше, чем святостью закона; кому не дорога жизнь, особенно в ее расцвете!.. Ирод так молод, полон жизни, полон славы...

— Распять его! Распять! — слышались возгласы за стенами синедриона, словно ропот моря.

— На крест его! На Голгофу! Кровь за кровь! Кровь его на нас и на детях наших!

Выведенный из терпения этими криками, центурион, начальник охраны Ирода, нагнулся к его плечу.

— Господин! — шепнул он. — Прикажи унять чернь, и я украшу пурпуром крови твой возврат из этого балагана.

Ирод, как бы презрительным движением руки отгоняя муху, кинул: «Не стоит».

Семаия понял этот почти немой разговор и тем же взором, полным жалости, обвел собрание.

— Мы все, — сказал он грустно, — я, вы, царь, все мы виноваты в том, что дозволили злу перерасти нас. Ирод — детище нашей слабости, нашего потворства.

Он обратился к Гиркану и долго глядел на

него молча.

— Гиркан, — сказал он с горечью, — не я ли давно говорил тебе, когда Ирод еще был мальчиком и играл с твоими детьми во дворце, не я ли предостерегал тебя, что ты отогреваешь змееныша у своего сердца? Теперь он превратился в удава и пожрет то, что тебе всего дороже: припомни мое пророчество, он погубит прекраснейшие цветки Сиона, твоих внучат: Мариамму и Аристовула.

В собрании послышался ропот: «Он называет себя пророком! Он оскорбляет царя!»

— Мариамму... Аристовула, — шептал Гиркан, — нет, нет!

Он вспомнил, как Ирод, еще до своего возвышения, бывая во дворце в качестве молодого царедворца и сына могущественного Антипатра, любил забавляться с маленькой Мариаммой и часто носил ее на руках... Не может быть, чтобы он погубил эту милую крошку...

Семаия между тем, заметив, что члены синедриона не поддерживают его, а скорее готовы отступить от своего главы, вышел, наконец, из себя и поднял над головой свитки закона.

— Слушайте! — воскликнул он. — Бог велик! Велик Бог Авраама, Исаака и Иакова! Придет час, придет день, когда тот, которого вы, в угоду царю, хотите оправдать, вас же погубит! Не пощадит он и Гиркана!

Эти слова, прозвучавшие пророческой силой, испугали членов синедриона.

— Нет! Нет! — воскликнули многие из них. — Не призывай на наши головы гнева Иеговы! Не заклинай нас Богом Авраама, Исаака и Иакова! Мы не надругаемся над свитками закона!

Ирод сделал нетерпеливое движение и гордо выступил вперед с угрожающим жестом.

— Я слишком долго жду! — сказал он резко. — Я не привык стоять!

Вдруг гоплиты, как бы по сигналу, ударили в щиты. Металлический звук их глухо отдался под сводами.

— В мечи! — резко прозвучал голос центуриона.

Сверкнули мечи. Но Ирод мановением руки остановил гоплитов.

— Это не парфяне, — сказал он.

Послышался стон. Все испуганно глянули на Гиркана. Голова первосвященника, мертвенно бледная, откинулась на спинку его сидалища.

— Мне дурно... Я распускаю синедрион... Отлагаю суд до завтра.

Ирод, никому не поклонившись, гордо оставил верховное судилище, окруженный гоплитами с блестящими мечами наголо.

Обморок Гиркана в синедрионе был притворный, хотя от страха перед Иродом и вследствие угроз Секста-Цезаря он, в самом деле, был близок к обморочному состоянию. Отправляясь из дворца в синедрион, он получил, кроме того, известие, что Ирод, отъезжая из Галилеи в Иерусалим на суд синедриона, по всему своему пути предварительно расставил военные посты, а себя окружил сильным конвоем из отборных гоплитов, которыми снабдил его наместник Сирии.

Поэтому, когда, распустив синедрион, Гиркан воротился во дворец, он тотчас же тайно отправил одного царедворца к Ироду сказать, чтобы он, не дожидаясь вторичного призыва к суду, немедленно отправлялся в Галилею.

Ирод усмехнулся, когда услышал это от посланного.

— Воробьи великодушно предупреждают ястреба, чтобы он избегал их суда и расправы, — сказал он. — Хорошо. Но скажи пославшему тебя, что я, чтя закон и судей, явлюсь на суд вторично, и тогда Голгофа и Елеонская гора покроются дремучим лесом из крестов, точно лесом пальм, а на крестах будут висеть те, которые кричали мне вслед перед синедрионом: «Распять его! Распять!»

Когда Александра увидела возвратившегося из синедриона Гиркана, она поняла все.

— Ах, отец, — сказала она, — я видела с кровли дворца, с каким сильным отрядом из римлян он отправлялся на суд.

— Да, голубка, — безнадежно махнул рукою первосвященник.

— Бедные дети! — горестно вздохнула Александра, увидев входящих Мариамму и Аристовула.

— Дедушка, — подбежал к Гиркану последний, — когда же будут распинать Ирода?

Старик прижал к своей груди головки детей и тихо заплакал.

Ирод, казалось, действительно задумал исполнить свою угрозу — усеять лесом крестов Голгофу и Елеонскую гору. Когда он воротился в Галилею, то Секст-Цезарь, ввиду возрастающего всемогущества своего родственника, Юлия Цезаря, о котором дошли до Сирии слухи, что он готовится возложить на себя императорскую корону, предвидя для себя более высокий пост, решил подготовить на свое теперешнее место Ирода и назначил его не только правителем Самарии, но и всей Келесирии.

Скоро в Иерусалиме узнали об этом, и Кипра, мать Ирода, сказала своему мужу, Антипатру:

— Мой Ирод будет царем. Я давно об этом знала. Я знала это от его рождения. Когда родился он, старая Рахиль, ухаживавшая за мной, принесла

ко мне новорожденного и сказала: «Смотри, у него на головке корона». И я увидала на лбу его, на нежной коже, багровый отпечаток в виде коронки. Рахиль тогда сказала мне: «Когда ты была еще маленькой девочкой и бегала по каменистым уступам твоей родной Петры, один пустынный, пришедший от Синая, увидав тебя, сказал: «Она будет матерью царей». А я ему сказала: «Она и так дочь царя Каменистой Аравии». А он сказал: «Она даст царей другой, более могущественной и славной стране».

— Мы и так царствуем над всей Палестиной, хотя и не носим царских венцов, — улыбнулся Антипатр.

Вскоре после того в Иерусалиме узнали, что Ирод собирает войско, чтобы идти на Иерусалим. И действительно, к Антипатру явились от Ирода гонцы с письмом, в котором Ирод извещал отца и брата Фазаеля о своем неуклонном решении наказать своих судей и дерзкую чернь, которая осмелилась кричать ему в глаза: «Распять его!»

«Когда великий Цезарь, — писал Ирод, — шел со своими легионами из Галлии, чтобы наказать мятежный Рим, то, переходя через рубикон, он воскликнул: «Aléa jacta est!» Я же, переступив рубеж Иудеи, воскликну: «Кресты на Голгофу!» Но одной Голгофы будет мало для меня. Боюсь, что и лесу на кресты не достанет».

— Юноша совсем обезумел, — сказал Антипатр, прочитав послание сына. — Надо спешить к нему.

— Я знаю Ирода, — улыбнулся Фазаель. — Когда мы еще учились в Риме, он сказал одному римлянину-воину, толкнувшему его на Форуме: «Я велю повесить тебя, когда буду царем!»

Антипатр и Фазаель, ничего не сказав ни Гиркану, ни членам синедриона об угрозах Ирода, тотчас поспешили к нему навстречу. Они прибыли как раз вовремя. Уже издали они услышали какой-то странный гул в лесах, покрывавших склоны иудейских гор.

— Что это за гул и треск в лесу? — спросил Антипатр первого попавшегося воина из иудеев, которого лично знал отец Ирода.

— Это наши воины рубят иудейские леса на кресты для иерусалимлян, — отвечал воин.

Антипатр и Фазаель были поражены.

— Сын мой! Что ты задумал? — воскликнул Антипатр, увидав Ирода.

Последний указал на несколько срубленных гигантских пальм.

— Это кресты для Гиркана и для членов синедриона.

Антипатр содрогнулся.

— Именем Бога живого заклинаю тебя, сын мой, смягчи твой гнев, — со страстною мольбою

заговорил Антипатр. — Для кого готовишь ты эти позорные кресты? Для первосвященника и царя? Но вспомни, кто он был для тебя? Ты почти вырос при дворе Гиркана. Не при нем ли ты достиг такого могущества, о котором не ведала Идумея. Ты ожесточен против членов синедриона? Но они исполняли только то, что им предписывали законы страны. Они намерены были, они должны были приговорить тебя к смертной казни, именно к самой позорной, к распятию на кресте. Но от тебя, от твоего могущества зависело не подчиниться приговору синедриона. Ты и не подчинился. За что же казнить их, когда они исполнили только долг свой пред народом?

Ирод упорно молчал.

— Что же ты ничего не скажешь, мой сын, моя слава, моя гордость? — продолжал Антипатр.

— Я обещал наказать их, — угрюмо отвечал Ирод.

— Но ты обещал повесить того римского воина, который, помнишь, толкнул тебя на Форуме, и... не повесил, — с любовью заговорил Фазаель, обнимая младшего брата. — Помнишь, как мы учились в Риме? Ведь не повесил?

Ирод вдруг рассмеялся самым искренним смехом. Это был характер странный, душа, как бы сотканная из контрастов. Нежный в душе, любящий, мечтательный, как и его мать Кипра,

аравитянка, выросшая среди знойных скал и пещер Петры, он иногда испытывал порывы ужасающей жестокости. Превосходный ездок, равного которому не имели вся Идумея и даже каменистая Аравия, родина лихих наездников, великолепный стрелок, стрелы и копья которого никогда не знали промаха, он на охоте в бешеной скачке за газелями, волками и дикими кабанами никогда не щадил лошадей, загоняя их до смерти, и никогда не давал пощады диким животным, истребляя их сотнями, а вне этой страсти он щадил голубя, ласточку, оказывал самое нежное внимание больной овце, раненой или упавшей из гнезда неоперившейся птичке. Страстно любя маленькую Мариамму, внучку Гиркана, боготворя это нежное существо, Ирод по целым часам носил ее на руках, лелеял, как божество; но в самых порывах безумной нежности им овладевало, моментами, иное, страшное безумие — бросить это нежное, невинное создание с высокой кровли дворца в глубокий водоем. После слов брата он несколько задумался.

— Но они обидели меня, унизили перед народом, перед иерусалимской чернью, — сказал он.

— Нет, они творили волю закона, — возразил Антипатр. — Если ты теперь казнишь их, служителей Иеговы, в глазах народа, то в глазах этого народа ты явишься противником Иеговы. А

жалкий, добрый Гиркан, за что его наказывать? Он своим притворным обмороком в синедрионе, я знаю это от него самого, освободил тебя от суда. Он же тайно советовал тебе немедленно уехать из Иерусалима. Помни и то, что решение войны в руках Бога, а в неправом деле и войско бессильно.

— Отец, ты прав, — сказал Ирод покорно, — твоим советам внимали и великий Помпей, и великий Цезарь. Я не хочу быть самонадеяннее их. Но я должен показать Иерусалиму и всей Иудее и мое могущество, и мое великодушие. И я это сделаю.

— Но как? — спросил Антипатр.

— Я сначала приведу их в трепет, а потом в умиление.

— Хорошо, делай, как знаешь; но только поклянись мне, сын мой, что не сделаешь зла ни Гиркану, ни синедриону, ни Иерусалиму.

— Клянусь именем Того, который остановил солнце для Иисуса Навина.

— Благодарю, сын мой, — сказал растроганный Антипатр. — А теперь, — обратился он к Фазаелю, — мы поспешим в Иерусалим. Никто не должен знать, что мы виделись с Иродом.

Утром следующего дня население Иерусалима пришло в такой ужас, какого не испытало оно даже тогда, когда осаждал Помпей. С ночи город был обложен войсками Ирода, словно железным

кольцом. Мало того; на Голгофе, на Елеонской горе и на всех окружающих высотах воины Ирода водружали целый лес крестов. Невообразимый вопль и стенания слышались по всему городу. Обезумевшие от страха мужчины, женщины и дети толпами спешили к храму, чтобы принести разгневанному Иегове последнюю жертву перед смертью. В Овчей купели не хватало ни места, ни воды для омовения жертвенных агнцев. Дым от жертвенных всесожжения облаками носился над городом и заслонял собою утренние лучи солнца, которое кровавым шаром выкатывалось из-за Елеонской горы, покрытой лесом крестов, между которыми, словно горящие факелы, сверкали медные каски и щиты римских гоплитов. Многие раздирали на себе одежды и посыпали головы пеплом из-под жертвенников. Чем-то похоронным звучали в воздухе медные трубы глашатаев первосвященника, которые созывали народ ко дворцу Гиркана. Члены синедриона раньше были вызваны во дворец и находились уже там. Туда же спешили Антипатр, Фазаель и Малих, начальник небольшого иерусалимского гарнизона.

Скоро ко дворцу потянулись толпы иерусалимлян, преимущественно женщин и детей, которые оглашали воздух невыразимым воплем. Мужчины же, воодушевляемые служителями храма, готовились к отчаянной защите святыни —

умереть с орудием в руках в притворах храма и у подножия жертвенников.

Все пространство около дворца, соседние улицы и кровли домов, прилегавших к дворцу, были скоро запружены рыдающими женщинами, которые поднимали над головами грудных младенцев, как бы моля небо о пощаде и поручая этому безжалостному небу своих детей.

Но вот на возвышенной галерее показалась величественная фигура Гиркана в полном одеянии первосвященника и в сопровождении всего сонма синедриона.

Вопли мгновенно смолкли. Слышались только отдельные рыдания. Первосвященник воздел руки как на молитву.

— Жены иерусалимские, не плачьте! — возгласил он, как бы сам захлебываясь от рыданий. — Всемогущий Бог смягчил сердце того, кто в гневе своем готовил нам смертную казнь на кресте.

В это мгновение показывается на галерее Ирод в порфире. За ним выступали Антипатр, Фазаель и Малих. Кругом наступила мертвая тишина.

— Жители Иерусалима! — прозвучал в воздухе металлический голос Ирода. — Снисходя к заступничеству за вас святого отца нашего и первосвященника и внимая словам любви и мира